

Услышав это, Шэнь Цинчи снова поднял голову. Мрак на его лице рассеялся, в глазах вновь заблестел свет. Он радостно воскликнул:

— Правда?

— Конечно. Я не твой отец, который только и лжёт. Раз сказал — сделаю. Давай, ешь быстрее.

Они оба принялись за кисло-острую лапшу. Шэнь Цинчи от остроты постоянно выдыхал, щёки и уши покрылись розовым румянцем, губы слегка припухли — выглядел он жалко, словно его только что обидели.

Шэнь Фан ещё раз взглянул на него и не смог отвести глаз. Он вспомнил, как на том ужине в честь возвращения Шэнь Цинчи, напившись, покидал зал. Тогда он тоже был раскрасневшимся, слегка пьяным, казалось, его можно было толкнуть, и он бы упал прямо в объятия, полностью покорный.

Теперь он окончательно поверил, что Чжоу Ванъянь, пытаясь ворваться в комнату Шэнь Цинчи, возможно, и вправду замышлял недоброе.

Шэнь Фан кашлянул, отгоняя неподобающие мысли:

— Неужели так остро?

Шэнь Цинчи поднял глаза, полные слёз:

— Это самая острая кисло-острая лапша в моей жизни.

— Сами заказали, раз не можете есть? — Шэнь Фан поднялся и пошёл на кухню за коробкой молока. — Выпей, поможет.

Шэнь Цинчи, словно увидев спасательный круг, поспешно принял коробку:

— Спасибо.

Молоко в коробке с девятимесячным сроком годности, конечно, по вкусу уступает трёхдневному свежему, зато его удобно всегда иметь под рукой. Шэнь Цинчи осушил коробку залпом и наконец почувствовал себя немного лучше.

Вид его, сосущего молоко через трубочку, был на редкость мил. Шэнь Фан изо всех сил старался не смотреть и сказал:

— Кстати, ты поселишься в той же комнате, где ночевал вчера.

Шэнь Цинчи кивнул:

— Хорошо.

Шэнь Фан, кажется, хотел что-то добавить, но после долгой паузы лишь произнёс:

— И ещё... свои вещи храни сам, не разбрасывай.

— А? — Шэнь Цинчи с недоумением посмотрел на него. — Я что-то забыл?... Зарядное устройство?

— Только зарядное устройство?

Шэнь Цинчи напряжённо подумал:

— Кажется, больше ничего.

Шэнь Фан ждал, что он сам вспомнит, но так и не дождался продолжения. Самому же говорить было неловко, поэтому он лишь сказал:

— В общем, будь повнимательнее, не помешает.

Шэнь Цинчи закивал:

— Хорошо.

В душе же подумал: «Всего лишь трусы».

Он оставил их намеренно.

Он рассчитывал, что такая личная вещь, как трусы, — Шэнь Фан её просто так не выбросит, но и принести обратно тоже не сможет. Тогда у него появится повод вернуться и забрать.

Но эта реакция Шэнь Фана, который не мог выговорить... Дядя, неужели ты никогда не видел чужих трусов?

Кажется, он случайно узнал нечто из ряда вон выходящее.

За эти два дня образ Шэнь Фана как «распутного повесы» разрушился в третий раз. Теперь он ещё сильнее заподозрил, что настоящий Шэнь Фан, возможно, вообще никогда ни с кем не встречался.

Думая об этом, в его голове одновременно возникли образы: «домашний мужчина, который отлично готовит», «старший в семье, который беспокоится, чтобы младшие не простудились, и тайком поправляет одеяло», «застенчивый старый девственник, который мямлит и не может выговорить слово «трусы»»...

Шэнь Цинчи не удержался и украдкой пару раз взглянул на того. Судя по внешности, истинную сущность Шэнь Фана разглядеть было трудно. Лишь наедине с собой он проявлял своё настоящее лицо.

Значит, теперь он единственный, кто знает этот «секрет»?

Осознав свою исключительность, Шэнь Цинчи невольно возгордился. В приподнятом настроении он сам вызвался помыть посуду. Выйдя из кухни, услышал слова Шэнь Фана:

— Грецкие орехи доставили, у ворот. Сходи, принеси.

Шэнь Цинчи удивился, подумав: «А Шэнь Фан разве не собирается сам проверять товар? Почему посылает меня?»

Пока он колебался, тот добавил:

— Заодно вынеси мусор. И пепельницу на балконе не забудь почистить.

На лице юноши отразилось полное недоумение, но Шэнь Фан, похоже, был очень доволен его реакцией, и уголки его губ приподнялись с налётом злорадства:

— Представление должно быть полным. Не забывай, ты у меня для наказания. Так что я имею полное право тебя понукать, верно?

Шэнь Цинчи встретился с ним взглядом и даже серьёзно задумался, затем кивнул:

— Дядя прав, я понял.

Ему было неловко разоблачать того, кто всего полчаса назад за обеденным столом говорил: «Если захочешь что-то съесть, скажи мне, я приготовлю». Непонятно даже, кто кого понукает.

Дядя оказался злопамятным. Всего лишь подшутил над ним насчёт трусов.

В романе говорилось, что Шэнь Фан на людях «распущен и коварен». Похоже, только «коварство» было не полностью наигранным. Специально накормить его особо острой кисло-острой лапшой — в этом определённо была доля злого умысла.

Но в целом это было безобидно. По сравнению со злодействами семьи Шэнь Цзина, эта «коварность» Шэнь Фана казалась почти игрой.

На второй день знакомства Шэнь Цинчи уже раскусил этого «дядьку» на семь-восемь десятых. Он решил подыграть его проделкам. В конце концов, Шэнь Фан был одним из немногих персонажей, к которым он испытывал симпатию, да ещё и его «пожизненным талоном на питание».

Шэнь Цинчи прибрал пепельницу, вынес мусор за ворота и, подняв голову, действительно увидел человека, ждущего в тени дерева. Тот протянул ему пакет.

Внутри лежала пара грецких орехов и некоторые инструменты для ухода за ними.

Шэнь Цинчи в этом не разбирался и не мог принять товар за Шэнь Фана. Поблагодарив, он проводил человека и уже собрался вернуться, как краем глаза заметил промелькнувшую тень, которая мгновение спустя исчезла.

...Не может быть.

Когда он выходил, у него уже было ощущение, что за ним наблюдают. Неужели за ним и вправду следили?

Шэнь Цинчи поспешил обратно в дом, плотно закрыл дверь и с напряжённым видом сказал Шэнь Фану:

— Дядя, я, кажется, видел, как кто-то прячется возле твоего дома, выглядит подозрительно.

Шэнь Фан понял его. Он подошёл к окну, приоткрыл плотно сдвинутые жалюзи и выглянул наружу.

С этого ракурса как раз была видна сторона ворот.

Он понаблюдал некоторое время, слегка прищурившись, и поманил Шэнь Цинчи:

— Иди сюда.

Шэнь Цинчи подошёл и, заглянув в щель, увидел, как человек вылез из-за цветочного бордюра, огляделся и... полез рыться в мусорном баке.

По одежде это был один из тех телохранителей, которых нанял Шэнь Цзин.

Шэнь Цинчи почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, лицо его побелело. Дрожащим голосом он произнёс:

— Как они сюда добрались...

Теперь понятно, почему Шэнь Фан, даже не куря, всё же зажёл сигарету — боялся, что заметят отсутствие окурков в мусоре?

— Слежка. Привыкай, — Шэнь Фан произнёс это с видом полной обыденности, отпустил жалюзи и вернулся на диван, разливая по чашкам только что заваренный чай. — Иди, попробуй, этого года.

— Дядя, — Шэнь Цинчи не мог сохранять такое же спокойствие и поспешил к нему. — Ты же говорил, что Шэнь Цзин уже несколько лет за тобой не следит?

— За мной? — Шэнь Фан приподнял бровь и усмехнулся. — Ошибаешься. Они следят не за мной, а за тобой.

— Ч... что?

— Шэнь Цзин не позволит тебе так просто уйти, конечно, приставит к тебе хвост. Если тебе у меня будет слишком хорошо, это неизбежно вызовет у него подозрения.

— Значит, дядя специально послал меня выносить мусор, чтобы они это увидели? — На лице Шэнь Цинчи отразилось внезапное прозрение. — Но откуда ты узнал, что они уже следят за нами?

— Вокруг этого особняка установлено множество скрытых камер. С момента их приближения каждое их движение под моим контролем, — Шэнь Фан открыл бумажный пакет, принесённый Шэнь Цинчи. — Я же говорил: в моём доме абсолютно безопасно. Вся опасность, которую ты видишь, — это то, что я намеренно позволяю случиться. Пока ты делаешь то, что я говорю, и не действуешь самовольно, никаких проблем не будет.

Шэнь Цинчи с облегчением выдохнул.

Похоже, Шэнь Фан был куда надёжнее, чем он предполагал.

То, что Шэнь Цин приставил к нему слезку, было в пределах его ожиданий. Но он должен был выглядеть испуганным — ведь его роль «не слишком глупого, но и не особо умного младшего сына семьи Шэнь» обязывала.

Шэнь Фан с безмятежным видом потягивал чай, некоторое время вертел в руках пару орехов, проверяя ощущения, а затем положил их перед Шэнь Цинчи:

— Ну что, можешь начинать.

Шэнь Цинчи с изумлением уставился на него:

— Ты... правда хочешь, чтобы я их «растил»?

— Конечно. Ты что, думал, я шучу? — Шэнь Фан откинулся назад, развалившись на диване. — Чтобы спасти тебя, я разбил пару орехов, которые растил целых шесть лет. Потери колоссальные, до сих пор сердце кровью обливается. Если ты не вырастишь мне новую пару, как это дело вообще забудется?

<http://bllate.org/book/16296/1469485>